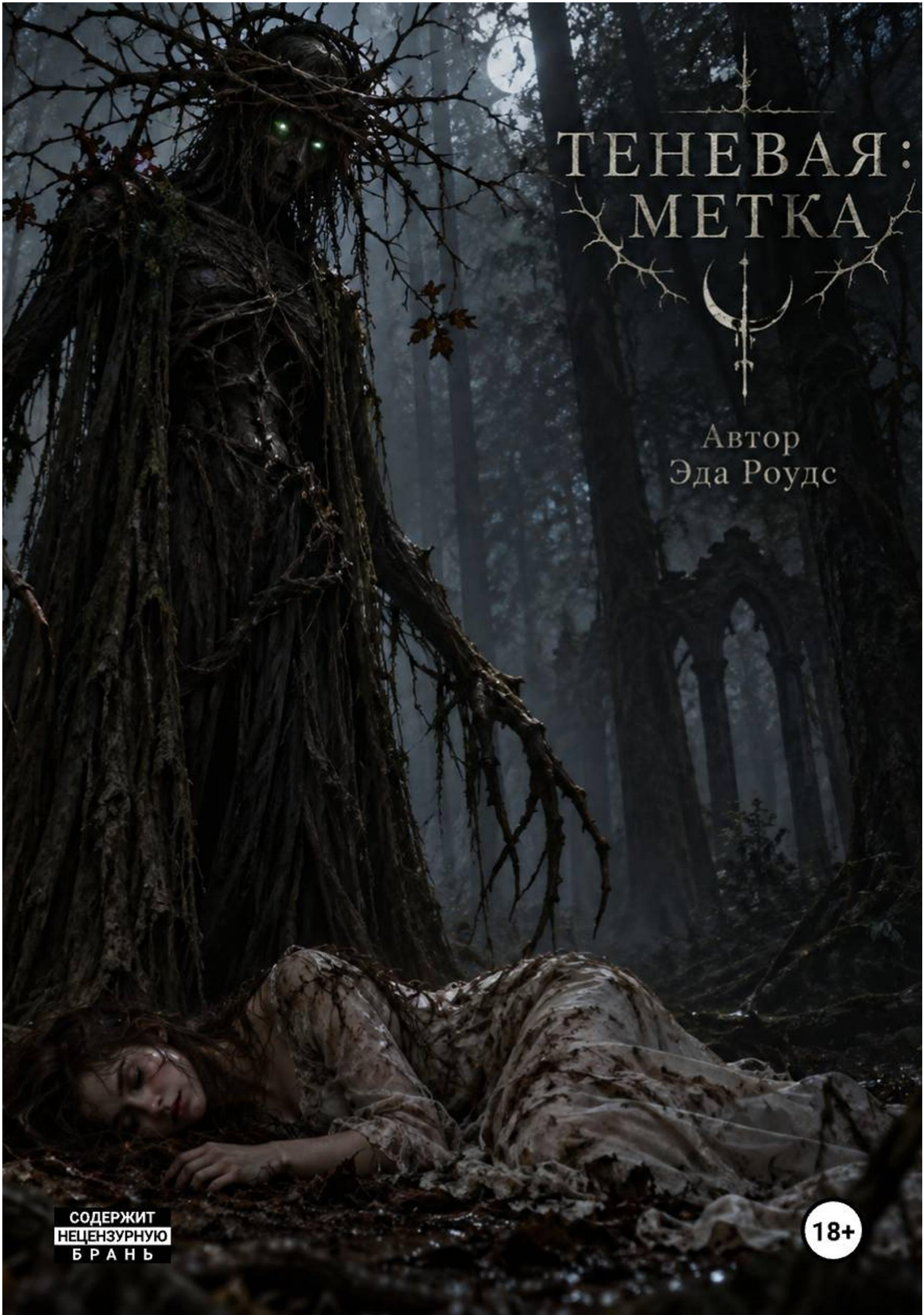
ТЕНЕВАЯ:
МЕТКА
Автор
Эда Роудс
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Эда Роудс

Теневая: метка

«Автор»
2026

Роудс Э.

Теневая: метка / Э. Роудс — «Автор», 2026

Убегая от преследователей, Люси оказывается в плену тьмы леса и встречает странное существо, которое оказывается хранителем этих мест. Алара предлагает ей шанс на новую жизнь: заменить место жизни Люси на время, но оставив на коже своей новой хранительницы метку. Люси соглашается, и мир открывается для неё в новых красках - пока Алара не сталкивается с человеком, которого долго скрывала в своём сердце.Но в мире не все складывается как задумано: прошлое и настоящее, начинают переплетаться, границы нарушены, а цена за спасение оказывается выше, чем они могли себе представить.

© Роудс Э., 2026
© Автор, 2026

Теневая: метка

- Давай, давай… гони. Или они тебя просто…

Люси стиснула руль так, что костяшки побелели, точно выточенные из мела. Дворники метались из стороны в сторону, как обезумевшие маятники, но не успевали смахивать потоки воды — лобовое стекло то и дело затягивало серой пеленой, и мир за ним превратился в размытое пятно. В зеркале заднего вида вспыхнули фары: преследователи сокращали дистанцию, и их свет наползал сзади, как хищный зверь, дышащий в затылок. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая даже рев мотора.

- Не смей останавливаться… — прошептала она, будто эти слова, тонкие, как паутина, могли удержать ее от паники.

Дорога нырнула вниз, в темный провал между склонами, и машина скользнула на повороте, едва не сорвавшись в кювет. Люси резко выровняла руль — шины взвизгнули по мокрому асфальту, точно кто-то провел ногтем по стеклу. Впереди мелькнул узкий мост — старый, с проржавевшими перилами, похожими на обглоданные временем ребра. Если проскочить его… если оторваться там, где дорога расходится…

Фары сзади придвинулись вплотную — теперь они били в салон, ослепляя, заставляя щуриться, выжигая глаза белым огнем. Люси рванула рычаг, переключая передачу, и вдавила педаль в пол. Двигатель взвыл, как раненый зверь, машина рванулась вперед, разрывая тьму светом собственных фар. Луна на мгновение вынырнула из рваных туч, осветив дорогу призрачным светом, — и тут же снова скрылась за плотной завесой дождя, будто и не было ее вовсе.

Еще немного. Еще один поворот. Только не сбавлять скорость. Люси влетела на старый мост, петляя между столбами и едва избегая столкновения с проржавевшими перилами, которые проносились мимо, как тени давно ушедших. В тот момент, когда ее машина пересекла последние метры моста, дождь внезапно прекратился — оборвался, словно кто-то перерезал нить, — и дорогу окутала густая тишина, вязкая, как болото.

Сердце бешено колотилось в груди, но она чувствовала, как уверенно держит руль. «Почти вырвалась», — пронеслось в голове, когда она резко свернула вправо, уходя с моста.

Однако судьба имела другие планы. Как только колеса коснулись ровной дороги, что-то пошло не так. Машина, словно потеряв сцепление с землей, начала скользить вниз по невидимому в тумане склону — медленно, предательски, как человек, ступивший на лед. Люси пыталась выровнять руль, но было уже поздно.

С оглушительным скрежетом автомобиль сорвался с холма, переворачиваясь в воздухе. Несколько мгновений полета — и тяжелая машина с грохотом врезалась в дерево, оставляя в нем глубокие следы от удара, как шрам на теле леса.

Тишина. Только тяжелое дыхание Люси и шум падающих капель с деревьев — редких, одиноких, точно последние удары метронома. С хриплым стоном Люси нащупала ручку двери, рванула ее — та не поддавалась, будто железо решило удержать ее внутри. Тогда она ударила локтем по стеклу: осколки посыпались, холодный воздух ворвался внутрь, смешиваясь с запахом гари и мокрого металла. Собрав остатки сил, она перевалилась наружу, упала на мокрую траву — и резкая, ослепляющая боль тут же пронзила ногу, чиркнув по телу раскаленной молнией.

Она попыталась приподняться, опершись на локоть, но мир перед глазами качнулся, поплыл серыми волнами. Туман, густой и липкий, обволакивал все вокруг, скрадывая очертания деревьев, превращая их в безмолвных стражей. Люси опустила взгляд: нога неестественно вывернута, ткань джинсов потемнела от крови, кость, кажется, порвала кожу.

- Не смотри, не смотри… — шептала она себе, пытаясь заглушить нарастающую боль. Тело ныло от каждого удара сердца, каждой царапины, а голова кружилась так, будто ее швыр-

нули в водоворот. Она потянулась на руках, волоча сломанную ногу, и проползла несколько метров, пока не уткнулась лицом в шершавый ствол дерева — единственную опору в этом зыбком мире.

Мир сузился до размеров пятачка земли под ладонями. Веки налились свинцом. В висках стучало — глухо, настойчиво, как чужие шаги. «Только не спать… только не сейчас…» — проговаривала она, пытаясь удержать ускользающее сознание. Но тьма, мягкая и безжалостная, уже смыкалась вокруг, стирая границы между реальностью и забытьем.

И Люси провалилась во тьму — не в сон, а в бездонный колодец, где не было ни дна, ни стен.

Люси приоткрыла глаза и тут же пожалела об этом. Мир перед ней расплывался, растекался серыми кляксами, словно акварель, забытая под дождём, и сквозь эту мутную пелену медленно, неотвратимо проступал силуэт.

Он был неправдоподобно высоким — словно выше любого дерева, выше самой ночи, словно кто-то вырезал его из самого мрака и поставил здесь, между небом и землёй. Но страшнее всего было то, как он двигался: не шагал, а скользил над землёй, будто не касался её вовсе, будто земля сама расступалась под ним в почтительном ужасе. Туман клубился вокруг фигуры, то скрывая её, то открывая на миг угловатые, неестественно вытянутые очертания — так ребёнок на секунду приоткрывает ладонь, прячущую что-то запретное.

Люси попыталась отползти, но сломанная нога взорвалась болью — ослепительной, белой, как вспышка молнии под веками, — и она лишь слабо дёрнулась, вцепившись в мокрую траву, как утопающий хватается за соломинку. Холод пробирал до костей, заползал под кожу, свил гнездо в самом сердце, а страх сковывал горло, сжимал его ледяными пальцами, не давая даже закричать.

- Кто… кто ты? — выдавила она, и собственный голос показался чужим, тонким, почти детским — голосом, заблудившимся в тумане и не нашедшим дороги назад.

Фигура не ответила. Она просто продолжала медленно приближаться, и с каждым её движением туман густел, становился плотнее, тяжелее — словно сам воздух боялся пропустить этот силуэт, словно мир задерживал дыхание. В какой-то момент Люси показалось, что она различает нечто похожее на капюшон или тени там, где должна быть голова, — но черты ускользали, расползались, не поддаваясь взгляду, будто её глаза отказывались их фиксировать, будто сам разум возводил стену, чтобы не сойти с ума.

И вдруг среди этой вязкой, тягучей тишины раздался другой звук — не шелест и не шаги, а глухой, ритмичный рокот. Звук мотора. Он вползал в туман, как зверь, идущий по следу.

Теперь Люси разрывалась между двумя ужасами: тем, что надвигалось из тумана, и теми, кто ехал по дороге. Фигура замерла, прислушиваясь к этому звуку, — и в её неподвижности было что-то от хищника, почуявшего добычу. И в этот миг Люси поняла с пронзительной, ледяной ясностью: возможно, самое страшное здесь — не то, что пришло из тумана, а то, что гналось за ней.

Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы следов, и, превозмогая тошноту и боль, хрипло выкрикнула в сторону тёмного силуэта:

- Эй! Пожалуйста… помоги! Они едут сюда!

Голос прозвучал жалко, тонко и почти растворился в густом тумане, как капля крови в холодной воде, — но фигура замерла. На миг показалось, будто даже сам туман перестал клубиться, будто всё вокруг застыло в напряжённой тишине, нарушаемой лишь нарастающим ревом мотора.

Люси снова закричала, уже не выбирая слов, выплёскивая весь страх, всю боль, всю отчаянную надежду последнего человека на краю мира:

- Кто бы ты ни был… не дай им меня забрать!

И тут нечто медленно повернуло то, что могло быть головой. Из-под тяжёлой тени вырвалась тонкая линия зелёного света — неяркого, но пронзительного, острого, словно лунный луч, пойманный в ловушку и выпущенный на волю. Фигура сделала ещё один шаг — и вдруг резко вскинула руку, загораживая Люси от дороги невидимой стеной.

В тот же миг из тумана вырвались фары — два слепящих клинка, распоровших молочную мглу. Машина преследователей вынырнула из неё, летя на бешеной скорости, ревя мотором, как разъярённый зверь. Люси зажмурилась, сжалась в комок, ожидая удара, визга тормозов, криков — но вместо этого раздался странный звук: не скрежет металла, а глухой, вибрирующий гул, будто сам воздух застонал от напряжения. Воздух перед машиной стал плотным, как стекло, как стена, которой не было и которая была.

Автомобиль резко вильнул в сторону — так, что сердце ухнуло в пятки, — шины взвизгнули, разрывая тишину, и машина пронеслась мимо, едва не слетев с обочины, едва не канув в кювет. Ещё мгновение — и она рванула дальше, прочь от этого места, от этой неподвижной фигуры, от этого странного, непроницаемого тумана, что стоял над дорогой, как занавес над сценой, на которой вот-вот случится нечто непоправимое.

Тишина вернулась — тяжёлая, звенящая, как натянутая до предела струна. Люси приоткрыла глаза. Силуэт по-прежнему нависал над ней, огромный и безмолвный, но теперь в его неподвижности не чувствовалось угрозы — скорее, странная, нечеловеческая сосредоточенность, будто он весь обратился в слух. Белёсый свет медленно угасал, истекал во тьму, растворяясь в ней, как сахар в чёрной воде.

- Ты… ты их прогнал? — прошептала Люси, не веря самой себе, не веря ни глазам своим, ни дрожащему голосу. — Спасибо… Спасибо…

Фигура не ответила. Она просто стояла — недвижная, огромная, — будто прислушиваясь к чему-то, чего Люси не могла услышать, к какому-то дальнему зову, доступному лишь ей одной.

Люси приподнялась на дрожащих руках, превозмогая боль, острой иглой пронзавшую тело, и вгляделась в туман. Фигура больше не скользила — она стояла неподвижно, словно вросла в землю, словно была её продолжением. Теперь, когда расстояние между ними сократилось, Люси смогла разглядеть её по-настоящему — и от этого взгляда по спине пробежал холодок.

Тело напоминало ствол старого дерева: тёмная кора, грубая, испещрённая глубокими бороздами, будто пережившая сотни лет — каждый шрам на ней был прожитой эпохой. По всей поверхности тянулись тонкие, упругие лианы, сплетаясь в причудливый узор, похожие на вены, вздувшиеся под кожей, — и казалось, по ним медленно течёт невидимая жизнь.

Длинные руки-ветви слегка покачивались, будто от невидимого ветра, что дул лишь для него одного, а пальцы, тонкие и сухие, как высохшие сучья, заканчивались острыми, как иглы, наростами.

Но больше всего пугали глаза. Два ярких зелёных огонька сверкали в темноте, не мигая, пронизывая туман насквозь, как два маяка в ночном море, — и в их свете чудилось что-то древнее, бездонное, знающее о мире то, чего не дано знать человеку. Там, где должна была быть голова, вздымались острые шипы и колючки, устремляясь вверх, словно корона из терновника, — и вся она была точно возложена на чело невидимого короля.

Люси хотела отползти, но страх сковал её сильнее боли, пригвоздил к земле, как гвоздь. Она вдруг поняла: это не человек. И не зверь. Это… что-то древнее. Что-то, выросшее здесь задолго до того, как по этим дорогам начали ездить машины, — старше асфальта, старше самих людей, что его проложили.

- Что ты такое? — неожиданно для себя прошептала Люси, и голос её прозвучал не испуганно, а почти уважительно, как обращаются к старшему. — Ты… ты лес охраняешь? Или… ты его гнев?

Существо не отвечало. Но зелёные глаза на миг вспыхнули — ярче, острее, — будто в них пробежала искра понимания, будто слова эти упали в самую его глубину и отозвались там тихим эхом. Одна из рук-ветвей медленно опустилась, и тонкий, похожий на корень отросток коснулся земли рядом с Люси. От этого прикосновения трава вокруг будто ожила — потемнела, потянулась вверх, обвивая корни, словно приветствуя своего хозяина, вернувшегося после долгой разлуки.

Туман снова сгустился, обволакивая фигуру мягкими, вязкими клубами, и Люси поняла, что существо собирается исчезнуть — уйти туда, откуда пришло.

- Подожди! — выкрикнула она, протягивая руку, хотя знала, что не может дотронуться, что пальцы схватят лишь пустоту. — Как мне выбраться? Куда идти?

- Что ты за особь? — протянула фигура жёстким, грубым голосом, и голос этот скрежетал, как сучья под топором.

Тонкие, словно паутинка, ветви тянулись к ней из темноты, пробуя воздух. Люси почувствовала, как её волосы касается что-то холодное и сухое, — и затем, легко, словно пушинку, её подняли в воздух.

Время замедлилось, растянулось, словно густой янтарный мёд, стекающий с ложки. Она ощутила, как её тело невесомо вращается в воздухе — медленно, плавно, будто брошенный в воду лепесток, — а земля стремительно удаляется, съёживается, превращается в далёкое пятно. В этот момент Люси поняла: она находится во власти чего-то необъяснимого, древнего и безжалостного, как сама стихия.

Боль в повреждённой ноге вспыхнула с новой силой — острой, обжигающей, как раскалённая игла, — когда фигура принялась рассматривать её со всех сторон, прокручивая в воздухе, точно любопытный ребёнок — пойманную бабочку. Люси пыталась вырваться, дёргалась, извивалась, но её сопротивление было бесполезно — оно таяло в хватке невидимых пальцев, как снег под дыханием весны.

- Отпусти меня… мне больно… — мысли бились о стиснутые зубы, не в силах вырваться наружу.

Наконец фигура опустила её на землю так резко, что Люси едва не ударилась. Она лежала, тяжело дыша, чувствуя, как земля уходит из-под ног, а в воздухе ещё витает странный аромат — смесь хвои и металла, будто сама земля здесь дышала железом и смолой.

- Я человек… — тихо прошептала Люси, — человек… Человек… — и это слово, как заклинание, повисло в воздухе, истаяло, не встретив отклика.

Придя в себя, Люси ощутила странное, но приятное тепло, окутывающее её тело, — мягкое, обволакивающее, как объятия невидимых рук. Мягкий свет заливал пространство вокруг, разгоняя тени по углам, создавая атмосферу спокойствия и умиротворения. В воздухе витал приятный аромат трав, который смешивался с лёгким, успокаивающим запахом природы — запахом мха, росы и чего-то ещё, неуловимого, будто сам лес вдохнул и затих.

Нога всё ещё ныла, напоминая о переломе тупой, ноющей болью, но сильной боли больше не было. Люси аккуратно повернула голову и с удивлением обнаружила, что её ногу оплетают лианы. Они медленно ползли вверх и вниз по конечности, словно живые существа, наделённые собственной волей, аккуратно стягивая место перелома — бережно, но непреклонно, как опытный лекарь.

Лианы, казалось, были частью какого-то древнего магического ритуала, вытканного из забытых заклинаний и шёпота корней. Они пульсировали в такт дыханию Люси — вдох, выдох, вдох, — создавая ощущение, что её тело исцеляется прямо на глазах, клетка за клеткой. Каждая линия на коже, каждая вена, казалось, была под пристальным вниманием этих удивительных растений, что изучали её так же внимательно, как она — их.

Люси попыталась пошевелиться, но лианы держали её ногу не крепко, а бережно, словно защищая и заботясь о ней, как мать — о ребёнке. В этом странном, но успокаивающем свете она чувствовала, как её тело наполняется силой и энергией, а боль постепенно отпускает — отступает, как отлив, оставляя после себя лишь лёгкую усталость.

В дальнем углу избы стояла тень — теперь она обрела очертания человека. Волосы существа отливали изумрудом, будто в них запутались отблески лесной травы, а на голове всё так же кружился терновый венок — он медленно сползал на лицо, цепляясь шипами за кожу, но, казалось, не причиняя боли. Так ветер треплет листву, не спрашивая у неё позволения.

Из-под ног фигуры тянулись лианы — они стелились по полу, сплетались в причудливые узоры, а потом устремлялись вперёд, прямо к Люси. Они ползли неторопливо, почти лениво, понимая, что спешить некуда, что время здесь течёт по иным законам. И теперь Люси поняла: именно эти лианы стягивали её перелом, бережно, но непреклонно фиксируя кость, помогая ей срастаться — тихо, упорно, как земля сращивает разлом.

Фигура не двигалась, но Люси чувствовала на себе её взгляд — тяжёлый, внимательный, будто существо оценивало, достаточно ли она исцелилась, готова ли услышать то, что должно прозвучать. Лианы на ноге слегка шевельнулись, плотнее обхватив конечность, и Люси тихо вздрогнула — не от боли, а от странного ощущения: будто её тело теперь было связано с чем-то гораздо большим, чем она сама, будто невидимая нить протянулась от её кости к самому сердцу леса.

- Ты человек? — голос Люси дрогнул, сорвавшись на шёпот. Она не знала, чего ждать: нового рывка лиан, резкого движения фигуры — или тишины, в которой растворилось всё.

Фигура медленно обернулась. В полумраке избы её зелёные глаза вспыхнули, словно в них зажглись крошечные огоньки лесной магии, — они пронзили Люси насквозь, будто видели не только её кожу, но и кости, каждый страх, каждую мысль, спрятанную глубоко внутри, как зверь в норе.

- Я взяла этот образ с тебя… — прозвучало в ответ. Голос существа был протяжным, тягучим, как густой мёд, смешанный с шелестом листвы. Он будто не принадлежал ни человеку, ни лесу — а чему-то среднему, древнему, что помнит, как рождались первые тропы и как шептали первые травы, как загорались первые звёзды над первым лесом.

Люси замерла, пытаясь осознать сказанное. Образ… с нее? Она невольно опустила взгляд на свои руки, на порванную рубашку, на сбитые в кровь пальцы — и вдруг увидела в очертаниях чужой фигуры что-то пугающе знакомое: линию плеч, изгиб шеи, даже то, как слегка вздернут нос. Будто кто-то взял её отражение, опустил его в лесную тьму и переплел с корнями, добавив зелени в волосы, терновый венец — и дыхание хвои.

Лианы на её ноге снова шевельнулись — не больно, но настойчиво, словно напоминая: ты теперь связана с этим. Люси тихо втянула воздух, чувствуя, как по коже бегут мурашки, а в груди сжимается что-то между ужасом и странным, горьким узнаванием

- Зачем? — прошептала она, и голос её прозвучал совсем тихо, почти потерявшись в запахе трав и сырой земли.

Существо наклонило голову, терновый венок скользнул ещё ниже, едва не закрыв глаза, и ответ прозвучал так, будто слова рождались где-то глубоко в корнях, прежде чем подняться к губам:

- Чтобы ты поняла… прежде чем всё изменится.

- Изменится?

Фигура подошла ближе — шаги её были почти беззвучны, лишь едва слышно шелестели лианы, расступаясь перед ней, как вода перед носом лодки. Вблизи она выглядела ещё страннее: в зелёных глазах плясали тени, а терновый венок, казалось, жил своей жизнью — колючки то сжимались, то чуть раздвигались, прислушиваясь к дыханию комнаты, к каждому вздоху, что дрожал в воздухе.

Лианы, до этого крепко удерживающие ногу Люси, наконец отпустили её — не разом, а медленно, словно нехотя, постепенно ослабляя хватку, как пальцы, разжимающиеся во сне. Когда последняя петля сползла на пол, Люси осторожно пошевелила ступней. Боль ушла, осталась лишь лёгкая ломота, как после долгого сна в неудобной позе. Она оперлась на локоть, приподнялась и, глядя прямо на фигуру, тихо спросила:

- Кто ты такая?

Существо чуть склонило голову, и на миг в её лице проступило что-то удивительно знакомое — почти как отражение самой Люси, только чуть старше, чуть мудрее, будто годы пронеслись быстрее там, где растут терновые венки и шепчут лианы.

- Я… то, что я поняла из твоей головы, — проговорила фигура, и голос её теперь звучал иначе: не тягуче и не чуждо, а привычно, по-человечески, с лёгкой хрипотцой, будто она долго молчала и только сейчас вспомнила, как разговаривать. — Вы называете меня Бабой-Ягой, ведьмой, духом леса… тем, чем вы пугаете детей.

Люси нахмурилась, пытаясь ухватить смысл, и переспросила, словно каждое слово давалось ей с усилием:

- То, что ты поняла из моей головы?

Фигура кивнула, и терновый венок снова скользнул по её лбу, но теперь он не казался угрожающим — скорее, частью её, как корона из корней и шипов.

- Да. Твой страх, твои сказки, твои воспоминания об избушке, о той, что знает травы и тени, о той, перед кем дрожат даже волки… Я взяла эти образы и надела их, как платье, чтобы тебе не было страшно смотреть на меня. Ведь когда ты увидела меня такой, какая я есть… — она сделала паузу, и в её глазах мелькнуло что-то древнее, нечеловеческое, бескрайнее, как лес в полночь, — ты испугалась… и могла бы сойти с ума.

Люси сглотнула, чувствуя, как по спине пробегает холодок, но в груди вместо ужаса вдруг шевельнулось странное облегчение. Значит, это не она сходит с ума. Значит, мир просто оказался больше, чем она думала.

Она опустила взгляд на свою ногу — и замерла. Кожа была чистой, гладкой, словно её вылизала сама тишина: ни шрамов, ни ссадин, ни единого следа от того, что совсем недавно разрывало плоть на части. Будто перелома и не было вовсе. И только тонкая зелёная линия — причудливая, живая, похожая на узор из прожилок весеннего листа — едва заметно вилась по икре, точно сама память о случившемся решила остаться на коже вместо боли. Она была немым напоминанием: здесь что-то произошло. Здесь что-то изменилось навсегда.

- То есть… то существо… это ты на самом деле? — тихо спросила Люси, поднимая глаза.

Существо улыбнулось — не широко, не щедро, а едва уловимо, одним уголком губ. Но в этой скупой улыбке было столько веков, столько прожитых жизней и непрожитых судеб, что Люси вдруг поняла: некоторые ответы лучше не знать до конца. Есть истины, которые не просвещают, а обжигают.

- Сейчас я — та, кого ты сможешь вынести, — прозвучало в ответ. — Остальное придёт позже. Если захочешь.

Люси села и спустила ноги вниз, пытаясь собрать мысли воедино — они разбегались, как испуганные звери, и не давались в руки.

- То есть… это всё иллюзия? — переспросила она, всё ещё не веря до конца в происходящее, цепляясь за привычные слова, как за перила над пропастью.

- Почти, — ответила фигура, внимательно наблюдая за её лицом. — Всё, кроме них…

Она качнула головой — и тут же к ногам Люси подползло странное существо: приземистое, шевелящее усиками, деловитое.

- Лярвочка. Мерзкое, но иногда нужное существо.

А следом за ней, откуда ни возьмись, прыгнула самая обычная на вид лягушка. Она ловко приземлилась Люси на плечо — так уверенно и спокойно, словно знала, что это её место было здесь всегда.

- Это Кляква, — пояснила фигура, наблюдая за реакцией девушки. — Она забавная, не правда ли?

Кляква весело квакнула и слегка потёрлась о шею Люси, будто пытаясь отогнать от неё остатки страха — маленькое живое существо, а тепла в нём больше, чем в ином человеке.

- Что это значит? — спросила Люси, всё ещё растерянная, но уже не испуганная: страх отступал, как отступает вода во время отлива.

- Это значит, что даже в самых странных мирах есть место для неожиданных гостей, — ответила фигура с лёгкой улыбкой. — И иногда то, что кажется иллюзией, может быть гораздо более реальным, чем ты думаешь.

- Но у тебя же есть имя?

- Называй меня Алара… я королева этих болот… этого леса… этого мира.

Алара отошла в сторону, давая Люси пространство. Не резко, не демонстративно — а так, будто понимала: человеку, который только что вернулся из края боли и теней, нужно место, чтобы снова почувствовать себя собой. Воздух вокруг неё был тем самым тихим воздухом, в котором можно наконец выдохнуть.

- Как ты сюда попала? — тихо спросила Алара, не глядя прямо на Люси. — От кого так убегала?

Люси замерла — и в этот миг всё, что она так старательно отталкивала, нахлынуло разом, обрушилось лавиной, от которой некуда спрятаться. Тёмная дорога, по которой она мчалась, не разбирая пути. Разбитая машина. Хруст, тяжёлое, рваное дыхание — падение, острая вспышка боли в ноге и густая, непроглядная тьма, поглотившая всё.

- Я… — голос Люси дрогнул, и она сжала кулаки, чтобы унять дрожь. — Я бежала от… моя подруга и парень подставили меня… у нас был небольшой бар, они набрали кучу денег у ненужных людей… а сами… сбежали.

Она подняла глаза на Алару — и в них читался не только страх, но и стыд. Стыд за то, что была такой слабой. За то, что не смогла убежать. За то, что теперь стоит здесь, перед существом, сотканным из её же собственных страхов, и признаётся в своей беспомощности, как признаются в самом постыдном грехе.

Алара кивнула, будто всё уже знала — будто прочла каждую строчку в её голове, как читают раскрытую книгу.

- Я это знала… но ты не рассказала свой самый большой страх. То, что эти люди хотели с тобой сделать… Почему ты не рассказала?

Люси вздрогнула — но не от холода. От того осознания, что Алара всё знает про неё, до самого дна, до последней потаённой мысли.

- Потому что люди… не хотят об этом говорить…

Словно в подтверждение её слов, из-за печки снова выскочила лягушка, прыгнула на край стола и громко квакнула — будто заявляя свои права на этот дом. А у порога, тихо шевеля усиками, всё ещё ползала лярвочка, деловито ощупывая половицу, точно хозяйка, обходящая свои владения.

- Ты так боялась за свою жизнь… они трогали тебя, говорили эти слова… ты лила воду из своих глаз… их руки… — продолжила Алара, которой чувство такта, видимо, было неведомо и не нужно.

- Я испугалась… понятно? Поэтому и гнала, не понимая куда. Ведь если я вернусь… А если я снова испугаюсь настолько сильно, что не смогу? Больше дать отпор? — спросила она, глядя на Алару, и в её глазах метались отчаяние и надежда — две птицы в одной клетке.

- Тогда я напомню тебе, что даже самые страшные тени не могут устоять перед тем, кто решается посмотреть им в лицо, — сказала Алара и протянула руку. — А пока… давай ты просто посидишь, выпьешь травяного настоя. Без спешки — здесь время течёт иначе.

Люси, помедлив лишь мгновение — короткое, как вздох перед прыжком, — кивнула и шагнула вперёд, принимая эту тишину, этот свет и эту странную, но такую нужную заботу, что окутывала её, словно тёплый плащ в промозглую ночь.

- Ты подумала, как вернёшь себе свою жизнь? — спросила Алара, и голос её звучал ровно, без нажима, как течёт река, которой некуда спешить.

Она просто пододвинула к Люси грубо выточенную деревянную чашку — в ней дымился травяной настой, пахнущий мятой и чем-то горьким, похожим на дым от сухих листьев, на память о кострах, которые давно погасли. Потом села напротив, опершись локтями о стол, и посмотрела спокойно — так смотрят на человека, которого уже приняли и не собираются отпускать.

- Я не смогу, я не вернусь, куда угодно, только не… я трусиха… я всегда убегаю…

- Да… — тихо повторила Алара, будто пробуя эти слова на вкус, взвешивая их на ладони. — Ты определённо не такая, как я. И это правда. Я — это лес, корни, старые тени. А ты — дыхание, голос. И именно поэтому тебе не нужно становиться кем-то, чтобы быть. Ты уже сильна — просто по-своему, просто ещё не понимаешь свою силу до конца… ты не знакома сама с собой.

Люси сжала пальцы в кулаки, и слезы, которые она так старалась удержать, всё-таки скатились по щекам — горячие, солёные, как первая вода из треснувшего сосуда. Она не вытирала их — будто боялась: вместе со слезами сотрёт и всё то, что сейчас чувствует, а без этого чувства она снова станет пустой, как выгоревшее поле.

- Я должна была всё изменить раньше, — прошептала она, глядя куда-то мимо Алары, в пустоту, где, наверное, стояло её прошлое. — Он уже предавал меня. Один раз. Я закрыла на это глаза, а в этот раз… я потеряла всё: дом, привычный путь, саму себя.

Алара чуть наклонила голову, и терновый венок, уже не пугающий, а словно ставший частью её лица, чуть шевельнулся — кивая в такт словам Люси, как тёмный свидетель её боли.

- Знаешь, что делает лес, когда буря ломает старые ветви? — спросила она мягко, и в её голосе не было ни жалости, ни снисхождения — только правда, тёплая, как хлеб из печи. — Он не плачет по ним. Он даёт место новым побегам — не потому, что забыл старые, а потому, что жизнь — это не застывший узор, а движение. Ты не потеряла себя, Люси. Ты просто сняла старую кожу, как змея, и теперь тебе немного больно и непривычно, потому что новая ещё тонкая. Просто начни с начала.

Люси подняла на неё глаза, в которых ещё стояли слезы, но уже не только боль — а и слабый, робкий отблеск надежды, как первый луч на кромке ночи.

- А если я не знаю, с чего начать? — прошептала она. — Я не готова сейчас возвращаться…

- С этим я тебе помогу… если ты мне позволишь…

Словно в подтверждение её слов, из тени у печки снова показалась Кляква. Она прыгнула на край стола, посидела секунду, внимательно глядя на Люси своими большими глазами, потом тихо квакнула — будто сказала: «ты не одна». А у ног Люси, деловито шевеля усиками, полезла лярвочка, оставляя на полу тонкий след, похожий на узор из крошечных капель росы.

Люси тихо вздохнула, и впервые за долгое время этот вздох был не от страха, а от усталости, которая наконец-то начала наступать — тяжёлой, но благодатной, как отступление волны после долгой бури. Она осторожно обхватила ладонями тёплую чашку, чувствуя, как тепло медленно поднимается от пальцев к запястьям, разгоняя холод — тот самый, что поселился в ней, кажется, очень давно.

- Я не знаю, как вернуть прежнюю жизнь, — сказала она уже тише, почти спокойно. — Наверное, и не надо. Но я, наверное, хочу понять, какой она будет… какой она могла бы быть… если я…

Алара улыбнулась не широко, а едва заметно. Так, что улыбка коснулась только уголков губ, но в ней было столько сил, что Люси вдруг почувствовала: она ей её покажет.

- Тогда начнём с малого, — сказала Алара. — Сейчас ты спишь… а завтра я всё устрою. Не люблю, когда обижают и предают… маленьких…

Люси посмотрела на Алару и кивнула. Она посмотрела на свою чашку, на лягушку, на странную женщину с зелёными глазами и терновым венцом — и вдруг поняла: сейчас, в этой тишине, рождается что-то новое.

Проснувшись, она резко села на постели, хватая ртом воздух — так, будто только что вынырнула из чёрной глубины, где вода смыкается над головой и не даёт дышать. Сердце колотилось так, что, казалось, его гулкий стук слышен даже за стенами избы — он бился в доски, в брёвна, в самые стены этого маленького мира. Она огляделась, и на миг всё поплыло перед глазами, как отражение в потревоженной воде: стол с грубо выточенными ножками, на краю которого сидела Кляква, лениво поводя большими глазами; тёплый свет, падающий сквозь маленькое окошко и словно золотящий каждый предмет; густой, обволакивающий запах трав, который обнимал её, как старый плед…

Всё было по-прежнему. И от этого становилось одновременно и спокойнее, и страшнее — будто тонкая граница между сном и явью истёрлась до прозрачности, а реальность теперь состояла из того, что раньше казалось невозможным. Мир остался прежним — но она сама уже не была прежней, и от этого знакомые вещи смотрели на неё чужими глазами.

Алары не было. Только лёгкий след на полу — будто кто-то стоял там совсем недавно, и доски ещё хранили её тепло, как хранят отпечаток ладони. Люси медленно встала, чувствуя, как под ногами привычно пружинит пол, и подошла к двери. Распахнула её — и вздохнула свежий, безумно чистый воздух, такой густой и прохладный, что от него закружилась голова, как от первого глотка родниковой воды. Лес стоял вокруг плотной стеной, но теперь он не казался враждебным — он будто дышал вместе с ней, тихо шелестя листвой, шепча что-то на своём древнем, зелёном языке.

Между деревьями мелькнуло знакомое очертание — высокая фигура, в которой угадывались и человеческая стать, и что-то дикое, лесное, неукрощённое. Люси замерла, не решаясь ни шагнуть вперёд, ни отступить — как замирают на краю обрыва, когда земля и небо меняются местами. Фигура медленно повернулась, чувствуя её взгляд, и, едва заметив Люси, начала меняться.

Зелёный отлив волос растворяется, уступая место тёплым, каштановый прядям. Терновый венок растаял, словно его и не было, — как утренний туман под первыми лучами. Черты лица стали мягче, привычнее, будто резкий ветер сменился тихим вечерним бризом. Через мгновение перед Люси стояла обычная девушка — не старая, с внимательными, чуть усталыми глазами и лёгкой улыбкой, в которой не было ни насмешки, ни превосходства, — только тепло, как у того, кто долго шёл и наконец вернулся домой.

- Ну что, проснулась? — спокойно спросила она, подходя ближе и отряхивая подол простого платья. — Вижу, что да. И, судя по тому, как ты смотришь на меня, всё запомнила. — Не пугайся, — сказала Алара. — Я не люблю пугать. Просто… иногда надо показать правду так, чтобы она не сломала. А правда бывает разной. Сегодня она такая. Ты думала, что всё это сон, — продолжила она, чуть склонив голову. — И отчасти ты права. Сон — это когда разум пытается уложить в привычные рамки то, что в них не помещается.

Люси наконец нашла голос — тихий, но уже не дрожащий:

- А ты… ты всегда будешь такой?

- Это мой образ, для восстановления справедливости… Как тебе? Я собрала его из твоей головы, вот только глаза не смогу изменить. Я буду такой, какой тебе нужно, чтобы ты меня услышала. Иногда — строгой, иногда — мягкой. Иногда… — она чуть приподняла бровь, — пугающей, если без этого никак. Но я буду такой, пока ты во мне нуждаешься.

Кляква, выскочившая из избы, прыгнула к ногам Люси, квакнула, будто подтверждая слова Алары, и тут же скрылась в траве — маленький зелёный вестник, исчезнувший, как капля в море. Где-то рядом, в тени корней, снова зашевелилась Лярвочка, напоминая, что этот лес полон маленьких чудес — они прячутся повсюду, как звёзды в ночной листве.

- Ты стала такой обычной… привычной… — тихо сказала Люси, и в её голосе прозвучало что-то среднее между удивлением и благодарностью.

- У меня есть план… конечно, если ты мне это позволишь… Твоя жизнь, жизнь людей — такая интересная… такая странная, — голос Алары начал звучать по-детски, легко и звонко, как ручей по камням. — И если ты дашь мне разрешение изменить твою жизнь… я знаю, как это сделать…

Люси внимательно смотрела на Алару — долго, без слов, как смотрят на человека, которому собираются доверить самое сокровенное, — а потом тихо кивнула.

- Отлично. Но есть одно но… Ты тоже подвергнешься небольшим изменениям, но я уверена… они тебе понравятся…

Алара шагнула в избу первой — и лёгким, почти царственным жестом пропустила Люси вперёд, в тепло, пахнущее смолой и сушёными травами. В её движениях больше не было ни лесной тяжести, ни той пугающей чуждости, от которой стыла кровь, — только спокойная уверенность девушки, которая знает наизусть каждый корень под ногами, каждый изгиб тропы, но вдруг захотела узнать, что лежит за пределами знакомого мира.

- Я хочу побывать в твоём мире, — аккуратно произнесла она, будто боялась спугнуть саму мысль, едва родившуюся в груди, — так бережно держат в ладонях мотылька, что вот-вот вспорхнёт. — Тысячи лет я принадлежала этому лесу. Он был моим домом, моей памятью, моей кожей. А теперь… теперь я хочу испытать что-то новое.

Люси остановилась посреди комнаты, не зная, куда деть руки, и смотрела на Алару с удивлением, в котором не было страха, — только тихая растерянность и что-то тёплое, робко тлеющее в груди, как уголёк под пеплом.

- Твои картинки в голове… — Алара чуть улыбнулась, и в этой улыбке мелькнуло детское, почти озорное любопытство. — Они такие яркие, все эти штуки… большие избы, где люди живут не по одному, а толпой, смеются, спорят. Летающие птицы — уносящие людей, как листья на ветру. Я хочу всё это увидеть. Не как тень в твоём сне, не как отголосок страха, а по-настоящему. Хочу почувствовать, как пахнет город, как гремит дорога. Хочу понять, почему ты так цеплялась за тот мир, даже когда он приносил тебе столько боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.